

Мельников Павел Иванович

**На горах. продолжение рассказов
"В лесах" рассказано Андреем
Печерским**

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Иванович М.**
На горах. продолжение рассказов "В лесах" рассказано Андреем Печерским: Часть 1 /
Мельников Павел Иванович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 414 с.

ISBN 978-5-519-96158-5

ISBN 978-5-519-96158-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

тается, Мордва въ бѣлыхъ балахонахъ богу своему молится, къ землѣ-матушкѣ на востокъ преклоняется». Вопросилъ своихъ слугъ Бѣлый Русскій Царь: «а зачѣмъ Мордва кругомъ стоитъ и съ чѣмъ она богу своему молится?» Отвѣтъ держать слуги вѣрные: «стоятъ у нихъ въ кругу бадьи могучія, въ рукахъ держитъ Мордва ковши завѣтные, завѣтные ковши большіи-набольшіе, хлѣбъ да соль на землѣ лежатъ, каша, яичница на рычагахъ висятъ, вода въ чанѣхъ кипитъ, въ ней говядину янбедъ ¹⁾ варить». Какъ возгворитъ Бѣлый Русскій Царь: «слуги вы мои, подите, дары отъ меня Мордвѣ отнесите, такъ ей на молянѣ ²⁾ скажите: вотъ вамъ боченокъ серебра, старики, вотъ вамъ боченокъ золота, молещійскіи; на мордовскій молянѣ вы прямо ступайте, мордовскимъ старикамъ серебро, золото отдайте». Вѣрные слуги пошли, царскій даръ старикамъ принесли; старики серебро, золото приняли, сладкимъ сусломъ царскихъ слугъ напоили; слуги къ Бѣлому Царю приходятъ, вѣсти про Мордву ему доводятъ: «угостили насъ мордовски старики, напоили сусломъ сладкимъ, накормили хлѣбомъ мягкимъ». А мордовски старики, отъ Бѣлаго Царя казну получивши, послѣ моляна судили-рядили: что бы Бѣлому Царю дать, что бы великому государю въ даръ отъ Мордвы послать. Меду, хлѣба, соли набрали, блюда могучія наклали, съ молодыми ребятами послали. Молодые ребята приустановивши сѣли: медъ, хлѣбъ-соль поѣли, «старики де не узнаютъ». Земли да желта песку въ блюда наклали, наклавши пошли и Бѣлому Царю поднесли. Бѣлый Русскій Царь землю и песокъ честно принимаетъ, крестится, Бога благословляетъ: «слава Тебѣ, Боже Царю, что отдалъ въ мои русскія руки

¹⁾ Одинъ изъ прислужниковъ «возати»—мордовскаго жреца.

²⁾ Общественное моленіе.

Мордовску землю». И поплыль тутъ Бѣлый Царь по Волгѣ рѣкѣ, поплыль государь по Воложкѣ на камешкѣ, въ лѣвой рукѣ держить ведро русской земли, а правой кидаеть ту землю по берегу.... И гдѣ бросить онъ горсточку, тамъ городъ ставится, а гдѣ бросить щепоточку, тамо селеньеце.

Таковы сказанья на Горахъ. Идутъ они отъ дѣдовъ, отъ прадѣдовъ. И у Русскихъ людей, и у Мордвы съ Черемисой о русскомъ заселеньѣ по Волгѣ преданье одно.

Русскіе люди, чуждую землю занявъ, селились въ ней по путямъ, по дорогамъ. Въ даль они не забирались, чтобъ среди враждебныхъ племенъ быть на готовѣ на всякій случай, другъ ко дружкѣ поближе. Путями, дорогами — рѣки были тогда. И доселѣ только по рѣкамъ примѣтны слѣды старорусскаго расселенья. По Волгѣ, по Окѣ, по Сурѣ и по мѣньшимъ рѣкамъ живетъ народъ совсѣмъ другой, чѣмъ вдали отъ нихъ, ростомъ выше, станомъ стройнѣй, изъ себя красивѣй, силою крѣпче, умомъ богаче сосѣдей—издавна обрусѣвшей Мордвы, что теперь совсѣмъ почти позабыла и древнюю вѣру, и родной языкъ и преданья своей старины. Мѣстами Мордва сохраняетъ еще свою народность, но съ каждымъ поколѣньемъ больше и больше русѣеть. Такъ межъ Сурой и Окой. Ниже Сурскаго устья верстъ на двѣсти по обѣ стороны Волги сплошь чужеродцы живутъ, они не русѣютъ: Черемисы, Чуваши, Татары. И ниже тѣхъ мѣстъ по нагорному берегу Волги встрѣтишь ихъ поселенья, но отъ Самарской Луки вплоть до Астрахани сплошь Русскій народъ живетъ, только около Саратова, на лучшихъ земляхъ пшеничнаго царства, Нѣмцы поселились; и живутъ они межъ Русскихъ тою жизнію, какой жила на далекой своей родинѣ, на побережьяхъ Рейна и Эльбы.... Велика, обширна ты, матушка наша, земля Святорусская!... Въ волю

простора, въ волю раздолья!... Всѣхъ, матушка, кормишь, одѣваешь, обуваешь, всѣмъ мать-кормилица хлѣба даешь— и своимъ, и чужимъ, и роднымъ сынамъ и пришлымъ изъ чужа пасынкамъ. Любишь гостей угощать!... Кто ни пришелъ, всякому: «милости просимъ — честь да мѣсто къ русскому хлѣбу да соли!»... Ну, ничего, насъ не обѣдятъ.

Въ стары годы на Горахъ росли лѣса кондовые, мѣстами досель они уцѣлѣли, больше по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ Чуваши, Черемиса да Мордва живутъ. Любятъ тѣ племена лѣса дремучіе да рощи темныя, ни одинъ изъ нихъ безъ нужды деревца не тронетъ, ронитъ лѣсъ безъ пути по ихнему грѣхъ великій, по старинному ихъ закону: лѣсъ — жилище боговъ. Лѣсъ истреблять — божество оскорблять, его домъ разорять, кару на себя накликать. Такъ думаетъ Мордвинъ, такъ думаютъ и Черемисы и Чувашанины.

И потому еще, можетъ быть, любятъ чужероды родные лѣса, что встарину, не имѣя ни городовъ, ни крѣпостей, долго въ недоступныхъ дебряхъ отстаивали они свою волюшку, сперва отъ Татаръ, потомъ отъ Русскихъ людей... Русскій не то, онъ прирожденный врагъ лѣса: свалить вѣковое дерево, чтобы вырубить изъ сука ось либо оглоблю, сломить ни на что не нужное деревцо, ободрать липку, засушить березку, выпуская изъ нея сокъ, либо снимая бересту на подтопку — ему ни почемъ. Столѣтніе дубы даже рѣзать, обобрать бы только съ нихъ жолуди свиньямъ на кормъ. Въ старые годы, когда шагъ за шагомъ Русь отбивала у старыхъ насельниковъ землю, нещадно губила лѣса, какъ вражескія твердыни. Привычка осталась; и теперь на Горахъ, гдѣ живутъ коренные Русскіе люди, не помѣсь съ чужеродцами, а чистой

славянской породы, лѣсовъ больше нѣтъ, остались кой-гдѣ рощицы, кустарникъ да ерники... По инымъ мѣстамъ таково безлѣсно стало, что ни прута, ни лѣсинки, ни барабанной палки; такая голь, что кнутовища негдѣ вырѣзать, парнишку нечѣмъ посѣчь. Сохранились лѣса въ большихъ помѣщичьихъ имѣньяхъ, да и тамъ въ послѣдніи годы сильно порѣдѣли... Лѣсныя порубки въ чужихъ дачахъ мужиками въ грѣхъ не ставятся, на совѣсти не лежать. Лѣсъ никто не садилъ, толкуютъ они, это не садъ. Самъ Богъ на пользу человѣкамъ выростилъ лѣсъ, значить руби его сколько тебѣ надо».

Хлѣбопашество—главное занятіе нагорнаго крестьянина, по повсюду оно объ руку съ какимъ ни на есть промысломъ идетъ, особливо по рѣчнымъ берегамъ, гдѣ живетъ чистокровный славянскій народъ. Въ однихъ селеньяхъ слесарничаютъ, въ другихъ скорняжничаютъ, шорничаютъ, столярничаютъ, веревки вяжутъ, сѣти вяжутъ, проволоку тянутъ, гвоздь куютъ, суда строятъ, сундуки дѣлаютъ, изъ меди кольца, наперстки, кресты-тѣльники да бубенчики льютъ, всего не перечестъ.... Кромѣ того народъ тысячами каждый годъ въ отхожіи промыслы расходуется: кто въ Лопманъ, кто въ Астрахань на вонючія рыбны ватаги, кто въ Сибирь на золотыя пріиски, кто въ Самарскія степи пшеницу жать. Всего больше уходило прежде народу въ бурлаки, теперь пароходство въ конецъ убило этотъ тяжелый и вредный промыселъ. И слава Богу!...

Охочъ до отхожихъ работъ нагорный крестьянинъ, онъ не степнякъ домосѣдъ, что вѣкъ свой на мѣстѣ сидитъ, словно медъ киснетъ, и опричь сосѣдняго базара да развѣ еще своего уѣзднаго города нигдѣ не бываетъ. Любитъ нагорный крестьянинъ постранствовать, любитъ людей посмотреть, себя показать. «Дома сидѣть, ни гроша

не высидишь, онъ говоритъ, подъ лежачій камень и вода не течетъ, на одномъ мѣстѣ и камень мохомъ обрастетъ». Нѣтъ годнаго на сторонѣ промысла—въ извозъ ѣдетъ зимой.... Не то избойну, мочену грушу да парену рѣпу по деревнямъ поѣдетъ мѣнять на кость, на тряпье, на желѣзный полomъ.

До того велика у нагорныхъ крестьянъ охота по чужой сторонѣ побродить, что изстари завелся у нихъ такой промыселъ, какого oprичъ еще литовскихъ Сморгонь на всемъ свѣтѣ нигдѣ не бывало. Въ Сергачскомъ уѣздѣ деревень до тридцати медвѣжатнымъ промысломъ кормилось—жилось не богато, а въ добрыхъ достаткахъ. Закупали медвѣжатъ у сосѣднихъ Чувашъ да Черемисъ Казанской губерніи, обучали ихъ всякой медвѣжьей премудрости: «какъ баба въ нетопленой горницѣ угорѣла, какъ малы ребята горохъ воровали, какъ у Мишеньки съ похмѣлья голова болитъ». Хаживали Сергачи со своими питомцами куда глаза глядятъ, ходили вдоль и поперекъ по русской землѣ, заходили и въ Нѣмечину на Липецкую ¹⁾ ярмарку. Изстари велся тотъ промыселъ: еще на Стоглавомъ соборѣ, жалуясь Грозному на поганскіе обычаи, архіереи про Сергачей говорили, что они «кормяще и храняще медвѣдя на глумленіе и на прельщеніе простѣйшихъ человѣкъ.... ²⁾ велию бѣду на христіанство наводятъ».... Силенъ, могучъ, властенъ и грозенъ былъ царь Иванъ Васильевичъ, а медвѣжатниковъ извести не могъ—изводилъ ихъ Саксонскій король, а въ конецъ погубило заведенное недавно общество покровительства всякимъ животнымъ, oprичъ человѣка. Тому назадъ лѣтъ съ пятьдесятъ потѣшали Сергачи на Липец-

¹⁾ Лейпцигъ.

²⁾ Стоглавъ, гл. 93.

кой ярмаркѣ тамошній людъ медвѣжьею пляской. Какой-то нѣмецъ съ лѣснымъ бояриномъ обошелся невѣжливо, и снялъ съ него Михайло Иванычъ косяную шапку. Въ ужасъ впали Нѣмцы—шутка-ль? цѣлаго подданнаго лишился Саксонскій король, а ихъ у него и безъ того не ахти много. Пожаловались. Воспретили Сергачамъ по чужимъ царствамъ медвѣдѣй водить. Ни почему бы это было медвѣжатникамъ—Русская земля длина, широка не клиномъ сошлась, есть гдѣ лѣсному боярину разгуляться, потѣшиться. Сердобольные покровители животныхъ вступились за Мишеньку: какъ дескать можно по бѣлѣу свѣту его на цѣпи таскать, какъ дескать можно Михайла Иваныча палкой бить, въ ноздри кольцо ему принимать?... Воспретили. Въ тридцати деревняхъ не одну сотню ученыхъ медвѣдѣй мужики перелобанили, а сами по міру пошли; все-таки—отхожій промыселъ.

А что въ прежніе времена съ Сергачами бывало, того не перескажешь. Но къ слову пришлось рассказать, какъ ученыхъ медвѣдѣй плѣннымъ французамъ на смотръ выставляли. Когда французы изъ московскаго полѣмья попали на русскій морозъ, забирали ихъ тогда въ плѣнъ сплошь да рядышкомъ, и тѣхъ полоняниковъ по разнымъ городамъ на житье разсылали. И въ Сергачъ сколько-то офицеровъ попало, полковникъ даже одинъ. На зиму въ городъ помѣщики съѣхались, ознакомились съ французами и по русскому добродушію пріютили ихъ, приголубили. Полоняникамъ не житье, а масляница, а тутъ подоспѣла и настоящая веселà, честна масляница, Семикова племянница. Сегодня блины, завтра блины—конца пированьямъ нѣтъ. И разговорились плѣнники съ радушными хозяевами про то, чего лѣтомъ надо ждать. «Не забудеть, говорятъ, Наполеонъ своего сраму, новое войско соберетъ, опять на Россію нагрянетъ, а у васъ все исто-

щено, весь молодой народъ забравъ въ полки—не сдобровать вамъ, не справиться». Капитанъ-исправникъ случился тутъ, говоритъ онъ французамъ: «правда ваша, много народу у насъ на войну ушло, да эта бѣда еще не великая, медвѣдей полки на французовъ пошлемъ». Плѣнники смѣются, а исправникъ увѣряетъ ихъ: самому де велѣно къ веснѣ полкъ медвѣдей обучить и что его новобранцы маленько къ службѣ ужъ привыкли—военный артикулъ дружно выкидываютъ. «Послѣзавтра милости просимъ ко мнѣ на блины, медвѣжий баталіонъ на смотръ вамъ представлю». А медвѣжатники по бѣлѣ свѣту шатались только лѣтней порой, зимой то всѣ дома. Повѣстили имъ отъ исправника, вели бы медвѣдей въ городъ къ такому-то дню. Навели звѣрей съ тысячу, поставили рядами, стали ихъ заставлятъ палки на плечо вскидывать, показывать, какъ малы ребята горохъ воровали. А исправникъ Французамъ: «это, говоритъ, ружейнымъ приѣмамъ да по-егерски ползать они обучаются». Диву Французы дались, домой отписали: сами де своими глазами медвѣжий баталіонъ видѣли. Съ той, видно, поры Французы медвѣдями насъ и стали звать.

Чуть не по всѣмъ нагорнымъ селеньямъ каждый крестьянинъ хоть самую пустую торговлю ведетъ: кто хлѣбомъ, кто мясомъ по базарамъ переторговываетъ, кто за рыбой въ Саратовъ ѣздитъ, да зимой по деревнямъ ее продаетъ, кто собираетъ тряпье, овчины, шерсть, иной строевой лѣсъ съ Унжи да съ Немды ¹⁾ гоняетъ; есть и «напольные мясники», что кошекъ да собакъ бьютъ да шкурки ихъ скорнякамъ продаютъ. Мало-мальски денегъ залежныхъ накопилось, тотчасъ ихъ въ оборотъ. И ежели по скорости мужикъ не свихнется, выйдетъ въ люди, ты-

¹⁾ Рѣки въ Костромской губерніи, текутъ по лѣсамъ.

сячами зачнетъ ворочать. Бывали на горахъ крѣпостные съ милліонами, у одного Лысковскаго ¹⁾ барскаго мужика въ Сибири свои золотые промыслы были. Теперь на горахъ немало крестьянъ, что сотнями десятинъ владѣютъ. За то тутъ же рядомъ и бѣднота непокрытая. У многого дворъ крытъ свѣтомъ, обнесенъ вѣтромъ, платя что на себѣ, а хлѣба что съ себѣ, голъ да перетыка—и голо и босо и безъ пояса. Такой бѣдности не замѣтно однакомъ по близости рѣкъ, только въ мѣстахъ отъ нихъ удаленныхъ можно встрѣтить ее. Общинное владѣніе земель и частые передѣлы—вотъ гдѣ коренится причина той бѣдности. Чуть не каждый годъ міръ-община передѣляетъ поля, отъ того землю никто не удобряетъ, что де за прибыль на чужихъ работѣхъ. На дворахъ навозу—пролѣзть негдѣ, а на полѣ ни воза, землю выпалили, пошли недороды. Нѣтъ корысти въ передѣлахъ, толкуетъ каждый мужикъ, а община-міръ то и дѣло за передѣлъ... И богатые и бѣдные въ одинъ голосъ жалуются на тѣ передѣлы, да подѣлать ничего не могутъ.... Община!.... За то кому удастся выбиться изъ этой—прахъ ее возьми—общины, да завестись хоть не великимъ кускомъ земли собственной, тому житье не плохое: земля на горахъ родить хорошо.

Въ лѣсахъ за Волгой бѣдняковъ, какіе живутъ на Горахъ, наврядъ найти, за то и заволжскимъ тысячникамъ далеко до нагорныхъ богачей. Только эти богачи для бѣднаго люда не въ примѣръ тяжелей, чѣмъ заволжскіе тысячники. Лѣсной народъ добродушнѣй, проще, а нагорному пальца въ ротъ не клади. Нагорный богачъ поровить изъ осмины четвертину вытянуть, изъ блохи голенище скроить.

¹⁾ Лысково—село на Волгѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Съ краю изстари славныхъ лѣсовъ Муромскихъ, въ лѣсу Салавирскомъ, что раскинулся по раздолью межъ Сережей и Тешей, ¹⁾ въ деревушкѣ Родяковой, что стоитъ подъ самымъ почти Муромомъ, то муназадъ лѣтъ семьдесятъ, а можетъ и больше, жилъ-поживалъ бѣдный смолокуръ и потомъ «темный богачъ» Данило Клементьевъ. Гналъ онъ смолу: до десятка-казановъ ²⁾ въ лѣсу было у него ставлено. Много годовъ работалъ, богатства смолою не нажилъ, и вдругъ сразу такъ разбогатѣлъ, что не только съ муромскими, съ любимъ московскимъ купцомъ въ версту могъ стать. Ломали лѣсники головы надъ скорспѣлымъ богатствомъ Данилы, не могли додуматься, отколѣ взялось оно. Кто говорилъ, что кладъ Кузьмы Рощина ³⁾ достался ему, кто завѣрялъ, что знается Данило съ разбойниками, а въ Муромскхъ лѣсахъ въ тѣ поры они еще «пошаливали», отъ того и пошла молва по народу, будто богатство Данилѣ на дуванѣ ⁴⁾ досталось. Много разнаго вздору говорено было, а истинной правды никто допытаться не могъ.

Отъ Андрея Поташова нажился Данило. О томъ Поташовѣ вотъ какой сказъ:

Во дни Петра Великаго, посадскіе люди изъ Мурома, братья Желѣзняковы да третій Кирилъ Мездряковъ руду

¹⁾ Теша близъ Мурома впадаетъ въ Оку, Сережа въ Тешу.

²⁾ Большой котелъ для добыванья смолы.

³⁾ Знаменитый разбойникъ Муромскихъ лѣсовъ, грабившій особенно проѣзжавшихъ на Макарьевскую ярмарку московскихъ купцовъ, во второй половинѣ XVIII столѣтія. Говорять, онъ много владовъ зарылъ по лѣсамъ.

⁴⁾ Дѣлежъ добычи разбойниками.

желѣзную на Окѣ сыскали. Слыхали тѣ посадскіе про тульскаго кузнеца Демидова, какъ наградила его царь государь и какія богатства взялъ тотъ кузнецъ съ непочатыхъ еще Уральскихъ рудниковъ. Заявили и они про находку, и за годъ до смерти первый императоръ зѣмли на Окѣ имъ пожаловалъ, ставили бы такъ заводы желѣзные. Не пошло Муромцамъ во прокъ царско жалованье—по лѣсамъ возлѣ Оки разбойники хозяйничали: съ заряженными ружьями приходилось дудки ¹⁾ копать, заводъ рвами окапывать, по валамъ пищали да пушки разставлять.... Работали кой-какъ, кончилось дѣло тѣмъ, что пропившійся рабочій измѣнилъ хозяевамъ, и заводъ передалъ разбойникамъ. Разграбили они его, выжгли, валы срыли, пушки, пищали съ собой увезли.... И за то благодарили Бога заводчики, что головы у нихъ цѣлы на плечахъ снесли.

Черезъ много годовъ на мѣсто неудачливыхъ Муромцевъ на Оку новые заводчики пріѣхали: два Туляка, братья Андрей да Иванъ Родивоновы, дѣти оружейника Поташова. Они въ четырехъ губерніяхъ четырнадцать заводовъ по скорости поставили. Андрей дѣло вель. «Образъ правленія его считался безотчетнымъ и необыкновеннымъ». ²⁾ Чего ни надѣлалъ онъ при томъ образѣ правленія! Пруды заводскіе выкопалъ на диво: верстъ по девяти въ долину, съ трехверстными плотинами; по тѣмъ прудамъ суда подъ парусами у него хаживали. Въ каждомъ заводѣ по господскому дому поставилъ и каждый домъ дворцомъ глядѣлъ. Что было въ тѣхъ домахъ кар-

¹⁾ Колодезь для добычи рудъ, шахта.

²⁾ Впослѣдствіи, когда возникли нескончаемыя тяжбы о наслѣдствѣ, это выраженіе встрѣчалось не только въ частныхъ запискахъ, но даже въ официальныхъ бумагахъ.